

Зазвонил мобильный телефон. Я взглянул на экран. «Такого номера не помню».

— Алло. Кто это?

— Это я, Анатолий Иванов.

— Анатолий?! Привет! Очень рад тебя слышать.

— А видеть?

— Видеть тем более. Ты где?

— У себя дома.

Пятьдесят пять лет назад мы — инженеры Центрального научно-исследовательского института радиоизмерительной техники — штурмовали обязательные программы кандидатских минимумов по философии и английскому языку. У меня был плёночный магнитофон, и мы с Анатолием, прочитав какую-нибудь статью в газете «Москью ньюс», на ломаном английском пытались воспроизвести прочитанное своими словами и записать это на магнитофонной ленте. Потом недоумённо смотрели друг на друга, слушая свою несуразную болтовню. Но время и труд всё перетрут, и в самом начале семидесятых мы уже кандидаты технических наук. Я ушёл с головой в работу научного института, а Анатолий выбрал путь доцента в Горьковском политехническом институте.

Особенностью Анатолия была обстоятельность. Он всегда и всё делал уверенно, не теряя самообладания при встрече с трудностями. Чем сложнее складывалась обстановка, тем спокойнее он становился в отличие от других моих товарищей. Кажется, никакие удары судьбы не могли бы вышибить из него эмоциональной устойчивости. Он даже смеялся не как все, а как-то задумчиво произнося: «Кхы...» И то, что он на заре своей творческой деятельности увлёкся доказательством теоремы Ферма, не вязалось с его серьёзностью. Мне всегда казалось, что доказательство этой теоремы сродни настойчивому поиску способа построения вечно го двигателя.

Я как-то сказал ему:

— Анатолий, большинство ферматистов заканчивали свои творческие поиски в психушке?

— Не переживай. Кто-то же должен решить эту задачу.

В общем-то, я и не переживал. Его непробиваемую психическую устойчивость против какой-то там теоремы Ферма можно было сравнить с танковой бронёй против газового пистолета, переделанного под малокалиберный заряд.

Мы ещё долго пересекались с ним, в основном в Политехническом институте, где я по совместительству тоже преподавал на кафедре «Конструирование и технология радиоаппаратуры». Встречались семьями во время праздников, перезванивались. И всё это время он спокойно воспринимал неудачи в своём хобби — доказательстве теоремы Ферма.

В начале восьмидесятых я стал директором Специального конструкторского бюро и перестал заниматься педагогикой. Встречи с Анатолием прекратились. Текучка, толкучка, трескучка завладели нами, каждым по своему профилю работы, и мы потеряли друг друга из вида.

Прошло тридцать лет, и вот...

— Пашка, когда сможешь подойти?

— Хорошо. Минут через сорок буду.

И вот мы за столом: Анатолий с Майей и я.

Я дарю Анатолию свои книжки, в том числе повесть «Пашкина война». Это о полубеспризорных мальчишках 1942–1944-х годов. Разговор сам собой пошёл о нашем детстве, тяжесть которого мы — десятилетние пацаны — не ощущали. На то оно и детство, чтобы принимать с радостью в глаза то, что преподносит нам окружающая реальность.

— Да нет, — возразила Майя. — Вот у Анатолия детство было другое — не повеселишься.

— Что было у Анатолия? Ну-ка, расскажи.

И Анатолий вкратце рассказал о событиях тех военных лет, когда они скитались в лесах под Псковом.

1941 год. Начало июня.

— Чего-то вы затоптались в этой духоте. Пора бы на природе прохладиться. А то дожди пойдут, так дети по травке и не побегают, — обратилась тетя Надя к своей сестре Анастасии.

— Да мы почти готовы. А ты как? Может, с нами поедешь?

— Приеду попозже, когда с работы отпустят.

Большое семейство: Анастасия со своим мужем Петром Ивановым и теперь уже с тремя детьми, сестра Петра Надя со своим мужем Евлампием — ютилось в одной комнате коммунальной квартиры по улице Карла Маркса в Ленинграде. Лёгкая фанерная перегородка делила эту комнату на два жилища. Офицеру Красной армии Евлампию в ближайшее время обещали дать комнату в другом районе, и семья Ивановых жила в ожидании расширения жизненного пространства. Больше всех радовались Толя, которому только что исполнилось семь лет, и его старшая сестра Люся, которой было двенадцать. Скоро у них будет своя комната для выполнения домашних заданий по учёбе. Несмотря на то, что Толя только готовился осенью ступить на первую ступеньку школьного обучения, он, как и старшая сестра, чувствовал важность предстоящих перемен. Серьёзность, обстоятельность уже тогда отличали его от весёлой, эмоциональной Люси. Маленькая Мира, родившаяся шесть месяцев назад, тоже радовалась. Но только когда радовалась мама. Весь мир, блага жизни, радость она ощущала от близости мамы. Папа не в счёт. Он всё время на работе, и только иногда, появляясь дома, склонялся над кроваткой Миры, показывая ей двумя пальцами козу и, улыбаясь, произносил одни и те же слова: «У-тю-тю-тю-тю». Для Миры это были самые понятные слова, которые произносил папа. Пётр Фёдорович Иванов был занятым человеком: работал на заводе и параллельно, как коммунист, занимался партийной работой.

Наконец, сборы закончились, и семейство Ивановых двинулось на вокзал. Папа нёс чемодан и сумку с вещами, мама Миру и сетку с продуктами, Люся — пакет с игрушками, а Толя помогал всем идти.

Разместившись в плацкартном вагоне поезда, следовавшего в Псков, стали прощаться с папой. Обещали через два месяца вернуться. Папа поцеловал всех по очереди, показал Мире козу, сказал ей: «У-тю-тю-тю-тю» — и вышел из вагона.

— Поехали! — радостно приветствовала Люся начало путешествия.

Путь лежал до станции Новоселье, потом в сторону от железной дороги по просёлочным дорогам до деревни Могутово, которую местные жители почему-то называли Завод, и дальше — в деревню Соседно, где их ждал отец Анастасии — дед Василий. Кругом непролазный лес. Без провожатого заблудишься.

На попутном транспорте, в том числе на деревенских телегах, добрался до родной ддя Анастасии деревни. Началась деревенская жизнь: блины со сметаной, молоко, соленые грибы, ягоды, купанье в озере, игра в догонялки с Тузиком, стрельба из рогатки желудями, еловыми шишками по всему, что бегаёт, прыгает, летает и ползает.

— Ур-ра-а-а!!! — воинственно кричал Толя, вооружённый деревянной саблей, атакуя на стаю вражеских гусей, ущипнувших Люсю за то место, на котором она привыкла сидеть.

Почувствовав опасность, гуси развернулись, и, гогоча «га-га-га», стали медленно отступать на безопасные позиции. Только один, претендовавший на уважение гусынь, вытянул шею, зашипел и, медленно переступая «лаптями», наступал на героя «гражданской войны», за что и получил палкой по голове.

С деревенскими мальчишками ходили на озеро, которое, как и деревня, называлось Соседно. Он впервые научился держаться на воде, работая руками и ногами, как говорил дед, по-собачьи. Люся уже два года назад научилась плавать и теперь следила, как бы Толя не заплывал слишком далеко.

— Что ты ко мне пристаёшь, — возмущался Толя, — как будто я маленький!

— Большой, большой. Только очень шустрый. Тебе мама говорила, чтобы ты меня слушался? Или забыл? Нырнёшь вот, а вынырнуть забудешь.

Когда загремели взрывы начавшейся Великой Отечественной, информация о войне некоторое время не доходила до лесной деревни. Только девятого июля, когда немцы заняли Псков, это известие дошло. Дед, умудрённый опытом и на своей шкуре испытывший, что война — это голод, стал энергично запасаться продуктами питания. Анастасия и Люся, как могли, ему помогали. К сожалению, картошка ещё не созрела, но грибы, ягоды, молодой шиповник, летние сорта незрелых яблок уже стали появляться. Всё это собиралось, сушилось, засаливалось, мариновалось и зарывалось рядом с баней.

Через день после известия о захвате немцами Пскова на лесной дороге появились отступающие отряды красноармейцев с винтовками через плечо. Железная дорога между Псковом и Ленинградом выведена из строя, солдаты двигались к Ленинграду по лесным тропинкам и грунтовыми дорогам. О возвращении в Ленинград семейству Ивановых можно было забыть. Вскоре в деревню вошёл военизированный отряд немцев. Эти приехали на машинах. Поразило Толю, что вели себя они как на празднике. Играли на губных гармошках, смеялись, офицеры пили шнапс. Людей из домов не выгоняли. Разместились в тех домах, которые когда-то были клубами, зданиями сельсовета и другими общественными помещениями. Часть немцев уехала на машинах догонять отступавшие отряды красноармейцев, часть уехала в деревню Могутово, где, как потом выяснилось, они разместили свой штаб, и только небольшая группа во главе с офицером и переводчиком приступила к наведению порядка в Соседно. Назначили старосту. С его помощью набрали блюстителей порядка — полицаяв.

Переводчик собрал народ и объявил, что местная власть будет помогать жителям деревни собирать урожай.

— Честе его получите, — говорил он, — в качестве вознаграждения за труд. Коммунисты, руководители советской власти — это враги нового режима. Они будут держать ответ. Их родственники освобождены от каких-либо пайков.

Дальше он много говорил о повиновении новой власти. Из его рассуждений можно было сделать вывод, что немцам сейчас не до репрессий. Они торопились решить главную задачу — взять Ленинград. Поведение немцев показывало, что они были уверены в скорой победе Германии и не разменивались по мелочам. Дошли слухи о том, что, догнав отступа-

ющие отряды красноармейцев, они не стали их расстреливать, а приказали сдать оружие и отправили эшелон на работу в интересах рейха. Рейху нужны были рабочие руки. От немцев деревенские узнали, что участие в окружении Ленинграда принимают не только немцы, но и их союзники: финны, итальянцы и даже испанцы.

Новый порядок лишил Ивановых средств к существованию, так как кто-то донёс, что семья приехала из Ленинграда. Полицаи решили с ней разобраться. Пай земли получил только дед. Жить стало тяжело и опасно.

Осенней ночью в деревне появился советский диверсант для организации партизанского сопротивления. Постучал в дверь.

— Кто там? — спросил дед.

— Я от Петра Иванова.

— Заходи.

— Прежде всего у меня просьба: пусть кто-нибудь из ваших выйдет к палисаднику и понаблюдает: не идёт ли кто сюда.

— Вас что, ловят? — спросил дед.

— Пока нет, — улыбнулся незнакомец. — Но если обнаружат, будут ловить.

— Хорошо. Люся, выйди во двор да посиди там.

— Долго?

— Я позову... Так что вам от нас нужно? — спросил дед.

— Расскажите ситуацию в деревне. Сколько немцев, сколько полицаев, кто староста. Всех ли коммунистов забрали?

Пока дед разговаривал с дядей, Толя внимательно слушал за дверью и делал свои выводы. Когда они закончили разговор, Толя открыл дверь и спросил:

— Дядя, вы на парашюте спустились?

— На парашюте, — шутливо ответил незнакомец.

— Иди на печку, — приказал Толе дед.

— А теперь о Петре, — продолжил незнакомец.

— Да, как там Пётр?

— Извините, это я оставил напоследок.

Дед насторожился и усталился на пришельца.

— Умер ваш Пётр, — сказал ему на ухо незнакомец. — Нет его больше.

Не будите Настю, пока я не уйду. Скажете это ей сами. Я на задании.

В это время в дом вбежала Люся.

— Полицаи идут!

— Вот гады, — произнёс дед, — значит, кто-то вас заметил. Бегите задами.

Незнакомец выбежал в огород и быстро побежал в лес.

Вошли полицаи.

— Где он?

— Кто?

— Тот, кто проскочил к вам в избу.

— Никто не проскакивал. Это я выходил.

— В этой серой рубашке?

— Нет, плащ надевал.

Видно было, что полицаи не верят деду. Один из них вышел в огород, обошёл дом, подозрительно посмотрел в лес. Вернулся и сообщил:

— Всё вроде тихо.

— Ладно, дед, — произнёс старший, — сегодня пронесло. Будешь с партизанами якшаться, расстреляем. А, может быть, и хуже, если за дело Гельмут возьмётся.

Поскольку над семьёй нависла опасность, мать решила уйти от деда и, собрав кое-какие пожитки, повела детей по лесным дорожкам в сторону станции Новоселье. Шли по лесным тропинкам вдоль дороги, опасаясь встречи с немцами или с полицаями. Пришли в деревню Могутово. Там два каменных здания: штаб немцев, рядом стоял барак. В бараке размещались пришлые рабочие. Мать устроилась на работу по

сбору картошки и полудили право забрать в бараке небольшой угол. Немцы не озаботились обеспечить оплату работы многодетной матери. Ей пришлось, преодолевая страх, прятать картофелины в рукавах стёганки. Тем и питались.

Толя освоился с обстановкой, безбоязненно стал гулять по деревне. По запаху набрёл на пекарню. Заглянул в открытое маленькое квадратное окно. Неожиданно в квадрате появился круглый лик немца-хлебопёка. Тот наставил на Толю указательный палец и громко произнёс:

— Пу!!!

— Эх... твою мать! — от неожиданности выругался Толя и отскочил от окна.

Немцы расхохотались. Тот, кто сказал «пу», поманил Толю пальцем.

— Ии...ди... тут... тут.

Толя подошёл.

— Ищё... русиш мат...ы?

Толя повторил ругательство. Снова хохот.

— Ищё... другой мат...ы?

— Иди в...! — произнёс Толя.

Хохот и аплодисменты.

Немцы пригласили Толю в хлебопекарню и настойчиво стали изучать отдельные фрагменты народного русского языка, употребляемые в основном по пьянке. После первого сеанса преподавания маленький учитель получил драгоценный подарок — целую горбушку свежего вкусно пахнущего ржаного хлеба. Дома был праздник.

Зимой партизаны напали на штаб немцев, но были отбиты. В помещении штаба раздался взрыв. Возник пожар. Барак, в котором жили рабочие, тоже загорелся. Произошло это ночью. Рабочие выскакивали на улицу, прихватив только самое ценное. Для Толи этим оказались штаны. В суматохе он никак не мог их найти. Когда мать волокла его на свежий воздух, он, наконец, нашёл штаны, но надеть их не успел. Пришлось выскочить голышом и только на улице облачиться. Все рабочие после пожара разместились в сохранившейся части барака.

Нападения партизан продолжались. Однажды мать ушла к деду в деревню. В её отсутствие после очередного нападения партизан немцы приняли решение: деревню Могутово сжечь, всех жителей деревни и рабочих увезти в неизвестном направлении. Когда всех вывели, Мира заплакала. Подошёл немец, один из тех, кто учился у Толи русскому мату. Он погрозил Мире пальцем, чтобы не плакала. Люся взяла Миру на руки и, когда была дана команда двигаться, вдруг появилась мама.

Деревня Могутово горела. Её жителей под конвоем повели к железнодорожной станции Новоселье. Рядом с семьёй Ивановых шёл, прихрамывая, седовласый мужчина. Когда конвойный полицай прошёл мимо и оказался в отдалении, мужчина обратился к окружающим:

— Сейчас будет поворот налево. Дорога сузится. Впереди один полицай. Остальные сзади. Они нас потеряют из вида. Бросаемся в разные стороны — одни налево, другие направо.

— Как же полицай? Он стрелять будет, — усомнилась идущая рядом девушка.

— Во-первых, его дело — смотреть вперёд, а во-вторых, у него глаза разбегутся. Он один, нас много.

Как только зашли за поворот, мужчина бросился направо. За ним — Анастасия с Мирой на руках, Люся и Толя. Последней за ними увязалась одна молодая девушка. Полицай, шедший впереди, обнаружил побег, когда группа скрылась в лесу. Выстрелил наугад.

Организовавший побег седой мужчина назвался Николаем. Участник финской войны, он потерял правую ногу (отморозил, ампутировали) и теперь, прихрамывая на деревяшке, вёл группу по непролазным снежным сугробам. Шли долго. Уставшая, измождённая голодом группа уви-

дела впереди деревянный домишко. В домишке оказалось около двадцати человек, таких же беженцев, как и они. Среди них — несколько мальчишек. Разместились. Изучая окрестности, мальчишки набрели на огромное поле нескошенного овса под слоем снега.

— Господи, — воскликнул один из опытных хлеборобов, — это же наша жизнь.

Все толпой устремились собирать старый овёс. Хлебороб сварил полведра овса, остудил, получилось что-то вроде студня. Стали есть. Продержались до весны.

Весной изголодавшиеся взрослые мужчины стали изобретать самодельные снасти и ловить рыбу в ближайших озёрах, собирать в ведра и банки берёзовый сок. Женщины, рискуя жизнью, приносили из ближайших деревень соль, крупу, картофель. Летом всем коллективом собирали и сушили ягоды, грибы и другие дары природы. Надо было выживать. Уверенность в скорой победе не покидала людей, вселяла в них силы и надежду. Толя с одним из старших мальчишек предпринял поход на пожарище в деревне Могутово. Стали копаться в мусоре сторевших домов.

— Эх, ай-ай! Смотри, чего нашёл! — показал Толя своему товарищу.

— Чего?

— Сковорода.

— Берём. Грибы будем жарить.

В это время в лесу раздался выстрел. Мальчишки бросились бежать.

Прошло лето 1942 года. Наступила следующая зима. Однажды Люся ушла к деду в деревню Соседно. В это время к дому подъехали полицей на лыжах в сопровождении автомашины, приспособленной к прокладыванию дорог в заснеженном лесу. В машине были немцы. Старший полицей зашёл в дом и приказал всем забрать нужные вещи и выйти для следования на станцию Новоселье. Когда выселение началось, мать вытолкала Толю и двухлетнюю Миру в сени:

— Бегите к озеру. Прячьтесь.

Рядом с небольшим озером, вблизи дома, ещё с довоенных времён лежала грудa мусора. Теперь она была покрыта толстым слоем снега и выглядела огромным сугробом. Толя взял Миру за руку и вывел через сени в поле. Побежали направо. Неожиданно за углом обнаружили стоящего к ним спиной полицая, который только что застрелил четвероногого весёлого друга детей Шарика. Мира собралась заплакать, но Толя закрыл ей рот рукой и потащил в другую сторону. И опять неудача. Навстречу шёл немецкий солдат с автоматом. Остановились. Толя сообразил, что надо делать, и показал немцу, что Мире нужно в туалет. Немец махнул рукой в сторону сугроба. Забежали за сугроб. От дома доносились команды старшего полицая. Раздался выстрел. Толя вздрогнул. «А вдруг маму убили?» Первая мысль — бежать обратно, к маме. Но увидев, что Мира опять собирается плакать, приложил палец к губам.

— Молчи, Мира. Мама сказала, чтобы мы спрятались. Она нас найдёт.

И стал лихорадочно по-собачьи рыть в снегу яму. Оценив глубину ямы, посадил туда Миру, закрыл ей рот и глаза шарфом и стал её закапывать. Затем так же торопливо начал рыть в непосредственной близости ещё одну яму — для себя. Забрался в неё и стал сгребать снег на себя. Кто-то кричал. Раздался ещё один выстрел. Толя стал зарываться глубже. Добрался до мусора. Услышав шуршание мусора, Мира тихо захныкала.

— Тише, Мира, — прошептал Толя. — Я тут. Ничего не бойся, скоро придёт мама.

Затаились. Время шло. Оно казалось бесконечным. Заработала машина. Послышались команды полицаяев. Звуки команд становились всё тише и тише. Люди удалялись вслед за машиной. Анатолий снова услышал выстрел, потом крик. Через некоторое время крик раздался совсем близко. Толя по голосу узнал мать. Выбрался. Прислушался — никого больше не слышно.

— Мама! Мы здесь!

Мать с дрожью в голосе обнимала своих детей. Как она сумела скрыться, так и осталось для Толи загадкой. Потом выяснилось, она успела нырнуть в подпол, туда, где хранились остатки собранных и высушенных прошлым летом ягод, грибов, овса... Риск велик. Если бы полицаи подошли домика, то в нём стореда бы и мать.

Похоронили Шарика, рядом молодую девушку, пытавшуюся убежать в лес и застреленную из винтовки. Стали ждать Люсю из деревни. Дождались. Получили привет от деда и узелок с тем, что ему Бог послал. Узнали, что всё молодое поколение деревни увезено, а куда — точно не известно. Говорят, что в Германию.

Оставаться стало опасно. Собрав в узлы всё заготовленное летом пропитание, вчетвером углубились в лес. Нашли старый продуваемый амбар, рядом землянка из двух комнат с перегородкой между ними. В землянке оказалось полно народу. Жили во второй комнате, поскольку в первой холодно. Прежние хозяева оставили в землянке огромную бочку квашеной капусты. Зимой все беженцы питались в основном этой капустой и кое-какими летними запасами. Над первой комнатой у входа в землянку окно.

Однажды по стеклу что-то звякнуло. Старая бабушка вышла в прихожую, крикнула:

— Кыш! Кыш!

В ответ, разбив стекло, в комнату влетела граната. Бабушка, скорей от неожиданности, чем из чувства опасности, упала. И вместе с её падением прогремел взрыв. Бабушке оторвало половину кисти руки. Рядом с землянкой стояли пять полицаяев и два немца на лыжах.

— Выходите, — крикнул один из полицаяев, — иначе сейчас всех взорвём.

Первым из землянки вылез Толя. За ним — все остальные. Двое мужчин вынесли бабушку, одна из женщин перевязывала ей раненую руку. Бабушка была без сознания.

Полицаи открыли амбар и стали загонять туда детей и стариков. Остальных построили для препровождения на железнодорожную станцию Новоселье. Люди с опущенными головами стояли в строю, не в силах поднять потухшие взгляды друг на друга. Всякое сопротивление было подавлено свалившимся на них горем. Среди них стояла Люся. По её щекам текли слезы. Она смотрела на свою мать, которую с Мирой на руках, приняв за старуху, затаккивали в амбар. Мать взглянула на Люсю ободряюще. «Постарайся выжить, — шептали её губы. — Ты должна жить! Жить!» Полицай запер амбар на засов, и процессия двинулась по заснеженному полю. Через щели прогнивших стен амбара дети и старики со слезами на глазах безмолвно провожали своих родных в неизвестность. Один из полицаяев, сказав что-то немцу, вернулся, собирая по дороге редкие кусты. Сложил их у стены амбара и попытался зажечь спичкой. Не получилось. Ветер задул спичку. Тогда он полез в карман, вынул газетный лист, приготовленный для самокруток, и... наткнулся на взгляд раненой старухи. В это время со стороны уходящей колонны слышалась команда немца, и полицай, поспешно заработал лыжными палками, догоняя уходящих.

Мама перебинтовала бабушке руку, Толя и его сверстники разломали полусгнившую стену амбара и высвободились из него. Большинство стариков и детей остались в землянке. Анастасия с двумя детьми решила ещё дальше углубиться в лес. Снова поиски жилья. Анастасия знала эти места, поскольку прожила здесь молодость до замужества. Она шла всё дальше и дальше, чтобы уйти от населённых пунктов. Толя, несмотря на усталость, не хныкал, а молча шёл за мамой. Её расчёт оправдался. Она нашла избу лесника. Дом был до отказа заполнен беженцами. Анастасии уступили одно место на лавке. Под лавкой — Толя. Мира на руках у

мамы. Жизнь в этом доме оказалась недолгой. Где-то после Нового года стала доноситься артиллерийская стрельба, бомбовые взрывы. Обитатели залегли на полу. Когда канонада закончилась, Толя вышел из дома.

— Выходите. Всё закончилось.

И действительно, стрельба утихла. Люди стали расходиться в поисках лучших условий жизни. Анастасия собрала небольшую группу и повела её туда, где Толя с Мирой прятались в снегу. В доме неподалёку от сгоревшей деревни Могутово дожили до весны. Мальчики нашли винтовку, заряженную патронами. Вдвоём держали её, а третий нажимал на курок. Прозвучал выстрел. С дерева упала срезанная пулей ветка.

— Ура-а! Есть чем защищаться.

Затем нашли гранату. Развели костёр и бросили гранату в огонь. Почему-то граната не взрывалась. Выглянули из-за дерева. И тут жахнуло! Появились взрослые и надрали уши.

Тишина побудила Анастасию заглянуть к деду. Деревня сожжена, немцев нет. Дед предусмотрительно снял соломенную крышу с бани, чтобы не привлекать к ней внимание. В результате только баня и осталась не сгоревшей. Анастасия привела в деревню детей. Наладили крышу, поселились в бане. Из леса стали приходиться люди, попрятавшиеся в начале войны в разбросанных по лесу домиках лесничих. Полицай, чувствуя близость расплаты за измену, напротив, рассыпались по лесам.

Из госпиталя пришёл младший брат деда Фёдор. Пришёл с одной рукой.

— Хорошо, что правая уцелела, — весело говорил он, — да голова без дырок.

Этой рукой, вооружённой топором, он и дед быстро соорудили домишку-временку. Баню оставили для использования по назначению. Ей приходилось напряжённо пыhtеть, обмывая выстроившихся в очередь жителей деревни, проживающих кто в землянках, кто в небольших деревянных строениях. Деревня стала оживать, люди поверили в будущее.

Но не все. Анастасия, перенёсшая тяжелейшие физические и моральные испытания, вдруг расслабилась и слегла. Удерживая троих детей на грани жизни и смерти, она всё отдавала им, почти ничего не ела, страшно похудела и теперь, когда напряжение спало, перестала принимать совсем пищу. Дело усложнилось простудой, появившейся после стирки белья у ручья. Воспаление лёгких.

— Дистрофия, — сказал местный ветеринар, выполняющий по совместительству функции фельдшера. — Надо травами лечить.

Но ничего не помогло, и она, погладив по головке Миру и Толю, отошла в иной мир, наказав на прощание Толе:

— Иди учиться. Подрастёшь — найди Люсю.

Осенью в деревне отстроили школу, появился учитель и собрал детей.

— Сколько тебе лет? — спросил он Толю.

— Девять.

— Учился?

— Я газеты старые читал.

— Сам читал?

— Нет. Сначала с Люсей. Потом сам.

— А ещё чему тебя Люся научила?

— Таблицу умножения.

— Ну-ка, сколько будет семь помножить на шесть?

— Сорок два.

— Складывать умеешь?

— Складывать и отнимать. Ещё делить. Грибы собирать, ягоды, рыбу ловить, из рогатки стрелять.

Учитель одобрительно посмотрел на Толю и определил его во второй класс.

Жизнь в деревне налаживалась. Где-то под Ленинградом шли бои, а здесь, в лесу не было ни немцев, ни красноармейцев. Возникали пробле-

мы с одеждой. Штаны в дырах, ботинки прорят каши, подмётки отваливались, и их приходилось подвязывать верёвками. Дед нашёл где-то в лесу шкуру коровы. Промочил, просушил её и стал делать так называемые «порины». Согнул пополам лоскут шкуры, зашил спереди и сзади. Получилась лодочка. Надевай и ходи.

Фёдор из льна делал паклю, из пакли — верёвку. Наматывал эту верёвку на деревянную колодку и связывал. Получались тёплые лапти. Однажды Фёдор ушёл в лес и через пару дней пришёл, неся на себе связку валенок с разрезами сзади.

— Дядя Федя, это чьи валенки? — спросил Толя.

— Теперь мои.

— А были чьи?

— Солдатские были, Толя. Этих солдат по лесу много лежит. Надо было их похоронить. Ну, а валенки — чего их хоронить?! Пригодятся.

Валенки были большого размера. Дядя Фёдор делал из них детские. Устанавливал валенок на бревно.

— Анатолий, поддержи.

Толя держал валенок, чтобы не упал, а дядя Фёдор размахивался единственной рукой, вооружённой топором, и... хрясь! Носовая часть валенка отвалилась.

— Тащи деду. Пусть зашивает носопыру. Будут тебе валенки по размеру.

Неугомонный дядя Фёдор постоянно что-то делал. Ловил рыбу в озере, раков, собирал ягоды, грибы. Для ловли рыбы он смастерил непотопляемую лодку. Срубил сосну, в толстом бревне выдолбил место для пассажира. Чтобы лодка не переворачивалась, по бокам укрепил вдоль бортов два бревна потоньше.

— Теперь её силой не перевернёшь, — хвалился он Толе. — Сбегай за удочками, и поехали.

— И я, и я хочу лыбу удить, — увязалась за Толей Мира.

— Вырастешь, как я, будешь удить. А сейчас — только есть. Маленькая ещё. И не хнычь. Иди деду помогай грибы разбирать.

Ещё через год немцев погнали туда, откуда они пришли. Дед все-таки задумался о судьбе Толи и Миры. Годы брали своё. Написал письма родным, чтобы забирали детей. Из Ленинграда откликнулась тётя Надя, сестра отца. Она одна среди родных пережила блокаду. Её муж Евлампий погиб, защищая Ленинград. Остальные поумирали от голода и болезней.

Из Рязани откликнулась мамина сестра тётя Клава. «Одного возьму, того, кто постарше. Помощником будет. Двоих не потяну, — писала она. — Привози. Самой ехать тяжело». Дед почесал лысину и приказал собираться. Проблем с отъездом много, главная из них — деньги. Что такое деньги, дед уже забыл. Нет денег — нет билетов, нет питания.

Собрав кое-что в узелок, махнул рукой и решил: «Поехали». Маршрут: Новоселье — Ленинград — Москва — Рязань. До станции Новоселье добирались сутки: где пешком, где на попутных телегах. До Ленинграда ехали зайцами. В Ленинграде Толя поразился происшедшим за время блокады переменам. Город стал полупустым и каким-то унылым. Встретившая их тётя Надя совсем не похожа на ту, весёлую, полную, которую помнил Толя. Она похудела, волосы стали седыми, под глазами чёрные круги, глаза впалые, но в них светилась прежняя радость жизни. Она обняла Миру и заплакала. Теперь у неё появилась цель жизни — вырастить этот маленький цветочек в большой бутон и выпустить его в полноценную счастливую жизнь.

Комната, в которой когда-то жили две семьи из семи человек, была совершенно пуста. Всё, что можно было сжечь в буржуйке, было сожжено. В углу на двух кирпичиках лежала электрическая плитка, на которой закипал чайник.

— Чайник есть — жить можно, — сказал дед и устроил праздник из того, что было заготовлено у него в узелке.

Дальше путь лежал в Москву. На вокзале дед пристроился к отряду солдат. Вместе с ними разместились в плацкартном вагоне. Пара прибауток, и молодые солдаты закинули Толю на третью полку и заложили ранцами. Когда поутихло, его снова достали с полки и стали угощать всем тем, что было в солдатских пайках.

Тётя Клава оказалась приветливой женщиной. Сначала расцеловала Толю, потом прослезилась по поводу кончины своей сестры Анастасии и, наконец, накормила деда и Толю мясным борщом и блинами с мёдом. Жизнь налаживалась.

Дед уехал к себе в деревню, а Толя пошёл в школу, теперь уже в третий класс. Однажды учитель по русскому языку дал задание ученикам написать сочинение о войне под названием: «Что я знаю о Великой Отечественной войне». Толя не стал излагать пройденный в школе материал, написал о том, как они с Мирой прятались от немцев в сугробе снега, а потом с мамой скитались по лесам в районе Пскова. Учительница зачитала это сочинение ученикам и похвалила Толю.

Когда я написал о лесных странствиях семьи Ивановых, то позвонил Анатолию:

— А знаешь, что теорема Ферма с формулировкой: сумма двух целых чисел, каждое в степени n (для любого натурального числа n больше двух) не может быть равна целому числу в той же степени, давным-давно доказана?

— Кхы... — сказал Анатолий. — Когда доказана?

— В 1994 году. Неким Эндрю Уальсом. Он уже и премию в 1997 году получил.

— Ты чего, хочешь лишить меня главного удовольствия? Не выйдет.

— Это почему?

— Потому что решение было найдено с использованием сверхсовременных математических теорий, которой в семнадцатом веке и в поmine не было. А Ферма в те времена доказал эту теорему простейшим способом. Так что не всё ещё потеряно.

— Поиск продолжается?

— Конечно. До тебя, Паша, великие мира сего из трёх десятков букв нашего алфавита создали великие шедевры: «Евгений Онегин», «Война и мир», «Тихий Дон» и многое-многое другое. А ты всё ещё находишь удовлетворение в перестановке этих букв для отображения своего мироощущения. Правда, увлекательно?

— Правда, — ответил я. — Кстати, какова судьба Люси?

— Война кончилась, она и вернулась.

— Где она теперь?

— Её уже нет. Её унесло время.